

Ахмерова Эльвира Салаватовна

ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ "ЯЗЫКОВАЯ АНОМАЛИЯ" (НОРМА-АНОМАЛИЯ-СЛОЖНОСТЬ)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/10/51.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 10 (53). С. 133-135. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81'271

*Эльвира Салаватовна Ахмерова**Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой*ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВАЯ АНОМАЛИЯ» (НОРМА-АНОМАЛИЯ-СЛОЖНОСТЬ)[©]

Любой развивающийся национальный язык проходит определенные этапы своего развития, реализуя огромный потенциал для развития системы или ее переустройства. Средством переустройства часто становятся аномальные случаи функционирования нормы. Ю. Д. Апресян такую функцию языковой аномалии обозначил как «языковые аномалии как точки роста новых явлений» [1, с. 64].

Языковые аномалии представляют собой значительный пласт в реализации любого национального языка, примером могут служить высокохудожественные произведения литературы или обычные речевые ошибки, оговорки, опiski, но природа одних аномалий, как и их «оправданность» отличается от других. В нашем исследовании в центре внимания оказываются аномалии, реализующие себя в художественном тексте.

Что же такое аномалия? Существует несколько подходов к определению данного явления: онтологический (нарушение известных законов физического мира), когнитивный и гносеологический (отклонение от известных закономерностей в процессе познания объекта), в зависимости от которых содержание понятия может варьироваться. Аномальным является все то, что познающий не может объяснить с точки зрения рационализма, знания и стандарта. «Аномальными оказываются явления, которые нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности. Тем самым явление оказывается аномальным не само по себе а относительно тех или иных законов. В науке нередко аномальными считаются явления, противоречащие описанию, которое предложил исследователь, т.е. сформулированной им системе правил» [3, с. 433]. Аномалия не существует сама по себе и точкой отсчета для определения её существенных характеристик становится норма или «совокупность наиболее устойчивых и традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Норма как совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом является специфическим признаком литературного языка национального периода... Норма является одновременно и собственно лингвистической и социально-исторической категорией» [6, с. 337]. По замечанию Т. Б. Радбиля норма вообще невозможна без аномалии, так как последняя становится «информативным семантически маркированным коррелятом нормы» [7, с. 8].

Н. Д. Арутюнова предложила рассматривать норму с точки зрения «1) возможности/невозможности отклонения (абсолютность / относительность норм), 2) социальности / естественности («рукотворные» / «нерукотворные» нормы), 3) позитивности / негативности (рекомендательные / запрещающие правила), 4) растяжимости (вариативность / стандартность (среднестатистические / точные нормы), 5) диахронности / синхронности (закономерность развития / правила функционирования), 6) престижности / непрестижности (для социальных норм)» [2, с. 75]. Данные типологические характеристики нормы подтверждают наличие аномалий: относительность норм, их социальность, рекомендательный характер, вариативность, непрестижность позволяют создавать нечто, отличное от стандарта: аномалию. «Языковая аномалия как отклонение от правил и норм вовсе не перечеркивает само правило или норму, а главное - оно может быть рационально мотивировано, коммуникативно адекватно, прагматически успешно и семантически осмысленно» [7, с. 9].

Аномалия может проявиться в актуализации «ненормального» мира, то есть может иметь концептуальный характер, тогда как средства выражения могут вполне отвечать принятым стандартам и нормам; однако, значительный пласт представляют аномалии знакового характера, то есть нарушения правил употребления какой либо языковой или текстовой единицы [1, с. 50]. И. М. Кобозева и И. Н. Лауфер считают показателями аномалии разнообразные лексические и грамматические нарушения [5]. Но последние исследования языковых аномалий считают такие основания недостаточными: Т. Б. Радбиль предлагает к показателям аномалий добавить понятие «стереотипа» - «общий принцип предпочтительного выбора единицы из парадигматического ряда или комбинации единиц, который отражается в реальной речевой практике» и понятие «прототипа», которое «предполагает ориентацию на образцовый реперезентат в ряду сходных единиц и моделей, обладает существенными «прототипическими признаками», образцовой «прототипической ситуацией» или прототипической реакцией» [7]. Исследователь акцентирует внимание на том, что аномалия имеет «языковой характер манифестации, но не обязательно системно-языковую природу» [Там же, с. 3].

Однако, в современной лингвистике появилось и такое понятие как языковая сложность, которое обладает некоторыми признаками и функциями, сходными с признаками и функциями языковых аномалий.

Основными функциями языка являются коммуникативная и логическая (функция выражения мысли), то есть язык - это «орудие» обмена информацией между адресатом и адресантом, которое реализуется в речи. Если языковое действие приводит к результату, расходящемуся с намерениями автора, то такие действия могут быть расценены как «неправильные», то есть ошибочные, так как нарушается коммуникативная

функция; но как только «ошибка» становится намеренной и преследует какую-то цель, мы уже имеем дело с языковой девиацией. Основными функциями языковых аномалий являются: *информативность* (любое языковое явление используется с целью выделения или обозначения какой-либо информации, не является исключением и языковая аномалия), *конструктивность* (языковая аномалия, внедряясь в текст, никогда не преследует цель разрушить его смысл, напротив, данный феномен участвует в «строительстве» определенной точки зрения, принципиально нового мироощущения, отличного от привычного), *эвристичность* (отклонение от нормы, образованное намеренно всегда является чем-то новым), *эстетичность* (намеренное употребление данного феномена всегда преследует какую-либо эстетическую цель) [7].

Но создатель текста не всегда имеет намерение эстетического воздействия на получателя сообщения, не всегда нуждается в формировании «кричащей» точки зрения определенного объекта внешнего мира, и при этом все же стремится достигнуть оптимального результата в реализации как коммуникативной функции языка, так и логической. Средством достижения такого результата становится языковая сложность.

Языковая сложность - это определенный объем отправляемой информации (под информацией мы понимаем «сокращение неопределенности» [4, с. 29]), при этом языковая сложность подразумевает собой *избыточность*, что позволяет сообщению быть понятным даже при наличии каких-либо искажений (например, различия в знаниях отправителя и получателя сообщения об описываемом предмете, физиологические особенности как получателя, так и отправителя и др.). Языковая сложность становится своего рода «страховкой» языка, оптимизирующей коммуникативную и логическую функции языка. Как отмечает Э. Даля, языковая сложность или *избыточность* может проявить себя *на уровне системы и на уровне пользователя* [4]. Рассмотрим предложение:

Эти пять книг интересны.

Тот факт, что книга несколько, несмотря на то, что он и так ясен из наличия числительного пять, выражен трижды: множественным числом указательного местоимения это, существительного книга, краткого прилагательного интересен.

Но возникает вопрос: не совпадает ли норма с понятием языковой сложности (выражение множественного числа продиктовано требованиями грамматики). По мнению Э. Даля языковая норма представляет собой *паттерн* или схему, «способ упростить или <...> упорядочить нашу картину мира» [Там же]. Языковая сложность же представляет собой сочетание нескольких паттернов, но не все из которых обязательны для реализации коммуникативной функции языка: «Сообщение избыточно, если существует менее сложное сообщение, которое может - *в принципе* - передать тот же объем информации» [Там же] при меньшей затрате коммуникативных ресурсов, языковая сложность же есть *значимое* отклонение от нормы (паттерна по определению Э. Даля).

На уровне пользователя избыточность может проявить себя в намеренном использовании заглавной буквы, восклицательного знака и других средств, позволяющих выделить определенную информацию. Примером может служить обычная записка:

Не забудь купить цветы!

Восклицательный знак фиксирует наше внимание на обязательности выполнения действия.

Такие признаки нормы, как признак «предпочтительного выбора» (рекомендательные нормы), вариативность, социальность становятся точкой отсчета не только для понятия аномалии, но и понятия сложности. Предложение *Я вернусь через тридцать дней* (1) по мнению Т. Б. Радбиля следует считать аномальным (речь идет о языковой аномалии, реализующейся на системно-языковом уровне за счет принципа предпочтительного выбора): согласно «стереотипу», следует сказать: *Я вернусь через месяц* (2).

На наш взгляд, данное предложение, вырванное из контекста, следует классифицировать как языковую сложность, так как главным признаком (1) становится признак излишней информативности, ведь в современном социуме 30 дней принято называть месяцем. Адресат акцентирует внимание на точном количестве дней. Но как только предложение становится частью художественного текста и принадлежностью автора-повествователя и автора-писателя, мы уже имеем дело с аномалией.

Таким образом, феномен языковой сложности и феномен языковой аномалии должны определяться на уровне языковой системы. Языковая сложность имеет место быть в устной речи, при непосредственном обмене информацией, так как в художественном дискурсе (под дискурсом вслед за В. Я. Ярцевой мы понимаем «связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [6, с. 136]), *намеренно* созданным автором, не может быть ничего «*в принципе лишнего*». Каждый элемент несет свою определенную нагрузку: информационную, эстетическую, прагматическую и др.: «Эстетическая функция языка обнаруживается в тех случаях, когда используются различные возможности языка, когда значимым элементом речи становится её звуковая организация, когда на первый план выступает языковая мотивированность средств выражения - этимологическая, экспрессивно-стилистическая или семантическая» [9, с. 102].

Интересным оказывается выделение *структурной языковой сложности и семантической*, последняя в свою очередь представляет собой расширенное значения, сложность которого определяется количеством сем в лексическом значении рассматриваемого языкового объекта (ср.: мясо и бифштекс).

Языковая сложность в полной мере реализует себя на фенограмматическом уровне, так как возникновение языковой сложности есть *результат выбора* создателя и отправителя сообщения.

Таким образом, и языковая сложность и языковая аномалия являются неразрывно связанными с понятием нормы, но различаются по сфере реализации: языковая девиация успешно функционирует в художественном тексте-дискурсе, выполняя определенные задачи; языковая сложность же становится оправданной в устном

процессе коммуникации. При этом при рассмотрении оппозиций ТЕКСТ-РЕАЛЬНОСТЬ, РЕЧЬ-РЕАЛЬНОСТЬ, то, что в модусе «реальность» является аномалией или сложностью (с точки зрения устройства языка), в соответствующем модусе становится нормой: избыточное выражение приводит к желаемому коммуникативному результату; аномальный текст - дискурс становится нормой для читателя, его воспринимающего и оценивающего. В несвойственных же феномену модусах мы уже имеем дело или с ошибкой, или с нормой.

Исходя из этого, языковая сложность и языковая аномалия, различаются по функциям: для языковой девиации основной становится эстетическая, в то время как для языковой сложности первостепенное значение приобретает информационная; но оба феномена успешно реализуют коммуникативную и логическую функцию языка.

Определенную схожесть данных явлений можно обнаружить в их типах: и языковая сложность и языковая аномалия могут иметь семантический или структурный характер манифестации, могут проявляться как на уровне системы, так и на уровне пользователя, но для языковой аномалии системой становится текст - дискурс, включающий в себя автора, рассказчика, героев, художественное пространство, субъекта - читателя.

Список литературы

1. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды: в 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. 760 с.
2. **Арутюнова Н. Д.** Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-19.
3. **Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.** Языковая концептуализация мира. М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.
4. **Даль Э.** Возникновение и сохранение языковой сложности / пер. с англ. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 560 с.
5. **Кобозева И. М., Лауфер Н. И.** Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму вербализации // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста: сб. научн. трудов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 194-224.
6. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
7. **Радбиль Т. Б.** Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М., 2006. 320 с.
8. **Руднев В.** Философия языка и семиотика безумия: избранные работы. М.: Территория будущего, 2007. 528 с.
9. **Шмелев Д.** Слово и образ. М.: Наука, 1964. 120 с.

УДК 81.372

Наталья Александровна Белова
Оренбургский государственный университет

ПРИНЦИПЫ ФРЕЙМОВОГО ОПИСАНИЯ ЛИНГВОКОНЦЕПТОСФЕРЫ[©]

Когнитивный подход к языку, возникший на стыке многих научных направлений, предполагает исследование языковых проявлений человеческого сознания. Мыслится, что особенности восприятия мира человеком отражаются в семантике лексических единиц, то есть в результате обработки информации человеческим сознанием формируются концепты, которые впоследствии находят языковое выражение. Из этого следует, что при описании семантики слова необходим учет когнитивной структуры, лежащей в основе процессов номинации. Метод фреймовой семантики представляющий фрейм как определенную когнитивную структуру, стоящую за формированием лексического значения в настоящее время является одним из наиболее перспективных.

Актуальной для когнитивной лингвистики является проблема соотношения когнитивных структур сознания с объективирующими их единицами языка, и наоборот, языковых форм - со структурами человеческих знаний и опыта, их репрезентациями в памяти человека.

Рассмотрим, что понимается на данный момент под структурами сознания - фреймами, и выделим их структурные и функциональные особенности.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» выделяется несколько аспектов в понимании популярного термина «фрейм» [4, с. 53-55]: языковой (система выбора языковых средств, связанных с прототипом сцены); психологический («аналитические леса», с помощью которых постигается собственный опыт); собственно когнитивный (единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, обладающая конвенциональной природой).

В когнитивной семантике существует представление, согласно которому за значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные структуры, которые можно описать на одном из специально разработанных языков представления знаний. Элементами этого языка являются фреймы, сценарии, планы, фон vs. фигура, модель мира, аффективные структуры и др. К числу наиболее известной когнитивной категории относится понятие фрейма. Согласно М. Минскому, фрейм является декларативным способом представления знаний, формулируемым в терминах описаний (дескрипций) [5, с. 152].

Суть концепции М. Минского как одного из первых ученых разработавших теорию фрейма, а в дальнейшем и его последователей, состоит в следующем: при столкновении с новой ситуацией человек извлека-